

Аль Хаснави Али Ради Машджель

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СХЕМЫ "WHO/WHAT SOUNDS" В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

На материале текстов художественной литературы на английском языке по принципу выявления лексико-синтаксических соответствий русскоязычным структурным схемам описаны грамматические и структурно-семантические модификации структурной схемы простого предложения "who/what sounds" в процессе речевой реализации. Выявлена способность пропозиции ситуации звучания обогащаться дополнительными смыслами, маркирующими сопутствующие обстоятельства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 34-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.02.00 ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.367

На материале текстов художественной литературы на английском языке по принципу выявления лексико-синтаксических соответствий русскоязычным структурным схемам описаны грамматические и структурно-семантические модификации структурной схемы простого предложения “who/what sounds” в процессе речевой реализации. Выявлена способность пропозиции ситуации звучания обогащаться дополнительными смыслами, маркирующими сопутствующие обстоятельства.

Ключевые слова и фразы: модификация; модальность; грамматическая форма; актуальное время; момент речи; темпоральность; конкретизатор.

Аль Хаснави Али Ради Машджель, к. филол. н.

Университет Ту-кар, Ирак

Ali88_a2000@mail.ru

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СХЕМЫ “WHO/WHAT SOUNDS” В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Актуальность исследования видим в отсутствии монографических работ, глубоко и всесторонне описывающих семантику простых предложений, формируемых глаголами, в содержательной структуре которых имеется сема ‘звук’. Модификация структурных схем простого предложения в английском языке, например, до сих пор лишь изредка и бегло упоминалась в лингвистической литературе, не получила полного и точного анализа и не вошла в научный оборот.

Цель данной работы – выявить специфику речевой реализации схемы “who/what sounds” и компонентный состав высказываний, формируемых этой схемой на материале текстов классической английской литературы по принципу выявления лексико-синтаксических соответствий русскоязычным структурным схемам, руководствуясь основными положениями теории синтаксических концептов З. Д. Поповой.

Эмпирической базой исследования стали художественные произведения английского писателя Чарльза Диккенса: *A Tale of Two Cities*; *A Christmas Carol*; *Barnaby Rudge*; *Hard Times* и др. В результате проведенного анализа языкового материала нами было обнаружено 670 высказываний.

Мы подходим к структурной схеме простого предложения как синтаксическому знаку – структурно-семантическому ядру высказывания, означаемым которого является типовая пропозиция, а означающим словоформы – маркеры компонентов пропозиции. Означаемым схемы “who/what sounds” является типовая пропозиция, представленная смыслами ‘субъект’ – ‘предикат’.

Структурообразующий компонент схемы репрезентирован глаголами звучания: *to applaud* (аплодировать), *to crack* (трещать), *to creak* (скрипеть), *to crackle* (потрескивать), *to croak* (каркать), *to cry* (кричать) и др.: «*Ha, ha!*» *laughed the same woman* [12, p. 129]. / «*Ха, ха!*» – *смеялась та же женщина* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи); «*Ah!*» *Mrs. Sparsit sighed and shuddered* [14, p. 181]. / «*О-о*» – *миссис Спарсит, содрогнувшись, тяжело вздохнула*.

Субъект – источник звука – маркирован, как правило, наименованиями людей, представленными как личными именами и их субституентами, так и номинантами, заключающими сему с характеризующим субъект компонентом: *mother* – мать, *daughter* – дочь, *nephew* – племянник, *child* – ребенок, *wife* – жена, *man* – мужчина, *woman* – женщина, *people* – люди, *fellow* – парень; *clerk* – офисный служащий, *general* – генерал, *soldier* – солдат, *conductor* – кондуктор, а также представители животного мира, издающие звук, представлены номинантами типа: *dog* – собака, *horse* – конь, лошадь, *jackal* – шакал, *animal* – животное; *sparrow* – воробей, *owl* – сова, *raven* – ворон, *bird* – птица; *cricket* – сверчок. Не исключены в этой позиции и наименования неодушевленных предметов: *truck* – грузовик, *mail-coach* – почтовая карета, *cart* – повозка, *wagon* – тележка, *chaise* – коляска, *berry* – ягода, *chestnut* – каштан, *leaf* – листва, *spoon* – ложечка и др.: *Solomon Daisy raised his glass to his lips; put it down upon the floor with such a trembling hand that the spoon tinkled in it like a little bell* [11, p. 241]. / *Соломон Дэйзи поднес стакан к губам, отпил немного, поставил его на пол такой дрожащей рукой, что ложечка в нем (стакане) звякнула громко, как колокольчик*; *She paused here, but though the door creaked more than once, Mrs Quilp said nothing* [17, p. 80]. / *В этот момент она замолчала, но несмотря на то, что дверь скрипнула более одного раза, миссис Квилп ничего не сказала*.

Высказывание – единица речевая, его соотносённость с конкретной ситуацией не только «диктует» лексическое наполнение компонентного состава схемы, его структурного и смыслового ядра, грамматические показатели его предикативной оси, но и «способность типовой пропозиции обогащаться дополнительными смыслами, конкретизирующими содержание высказывания, вписывающими его в контекст соответствующего речевого акта» [6, с. 30].

В процессе речевой реализации структурная схема подвергается различным видоизменениям, обусловленным характером референта высказывания, а также отношением говорящего к высказываемому.

Теория реализации структурных схем в русской лингвистике принадлежит Н. Ю. Шведовой. Регулярную реализацию ученый определяет как такой вид структурной схемы, который образуется в результате или «одного из ее частичных формальных преобразований, не связанных с выражением грамматической модальности и синтаксического времени», или «конситуативно обусловленного изменения правил лексического наполнения компонентов» [9, с. 69]. Исследователь выделяет на основании факторов, определяющих наличие регулярных реализаций, несколько их разновидностей. На первой ступени поставлены неполные реализации, на второй – реализации, при которых в состав предложения включаются полузнаменательные глаголы, связки, субъектно-модальные частицы. К ним присоединяются реализации с возможным замещением позиций, а также реализации, при которых происходит «конситуативно обусловленное снятие характеризующих схему лексических ограничений» [Там же, с. 69-70].

Затем теория регулярных реализаций структурных схем развивается Г. А. Золотовой и ее последователями [1, с. 215-224; 3, с. 111-137]. Речевую реализацию структурных схем Г. А. Золотова называла «модификация структурной схемы». С целью установления системных взаимосвязей между множеством данных в речи предложений она предложила начинать анализ с выделения инварианта, понимая под ним модель предложения, тождество которой сохраняется во всех ее вариантах [4, с. 200]. В качестве инварианта Г. А. Золотова признает предложение, предикатив которого объективирован формой настоящего времени индикатива. Вариантами модели являются ее разнообразные регулярные речевые реализации: грамматические и структурно-семантические модификации, а также синтаксические синонимы. Совокупность вариантных структур, объединенных вокруг первичной модели, ученый именует синтаксическим полем предложения [Там же, с. 201].

Под грамматическую модификацию структурной схемы подводятся такие изменения ее необходимых, но переменных признаков, которые «можно представить себе как ось, которая держит на себе постоянные компоненты», составляющие структурную схему предложения. «Ось может поворачиваться разными грамматическими гранями, строение ее может усложняться, основные компоненты модели остаются неизменными и в неизменных структурно-смысловых отношениях друг к другу» [Там же, с. 130]. Такими переменными грамматическими гранями являются показатели предикативности: модальность, время, для ряда схем – синтаксическое лицо [Там же, с. 138].

Структурно-семантические модификации нами понимаются как речевые реализации структурной схемы простого предложения, которые также не влекут изменений ее пропозиционального значения (семантики) и компонентного состава, однако вносят в семантику предложения новый семантический компонент, обогащая ее и усложняя строение предикативной оси, «как бы наращивая ее дополнительным смыслом» [Там же, с. 205], или, напротив, упрощая предикативную ось предложения.

В своей статье мы, вслед за Г. А. Золотовой, З. Д. Поповой, В. И. Казариной к речевым модификациям структурной схемы относим сохраняющие ее единство грамматические и структурно-семантические модификации.

Переходим к рассмотрению грамматической парадигмы предложения, формируемой синтаксическими категориями времени и модальности.

Говоря о грамматической категории времени в английском языке, лингвисты выделяют три времени глагола (настоящее, прошедшее и будущее), каждое из которых имеет четыре глагольные формы (простую, длительную, перфектную и перфектно-длительную). Временные формы дифференцированы на основе соотношения представленного предложением события с моментом речи, определяющим настоящее время. Инвариант схемы представлен настоящим временем предикатива. Продуктивность ее речевой реализации невысокая. Он находил отражение в основе ~ 6,86% высказываний.

Материал нашей выборки позволил выявить с помощью элемента контекста форму настоящего простого времени, функционирующую в плане будущего: *You don't mind your own horses being stabled under the bed: and so close, that every time a horse coughs or sneezes, he wakes you* [10, p. 315]. / Вам нипочём и то, что ваши лошади поставлены в стойле прямо под вашей постелью и притом до того близко, что всякий раз, как лошадь кашляет и чихает, вы от этого просыпаетесь; *And even if I do cry out, it will only be to get mother to let go and leave off* [13, p. 388]. / И даже если и кричу, то просто чтобы мать меня скорее отпустила.

Семантика грамматической формы маркирует также настоящее драматическое (историческое): *At length, on Sunday night when all the village is asleep, come soldiers, winding down from the prison, and their guns ring on the stones of the little street. Workmen dig, workmen hammer, soldiers laugh and sing* [18, p. 163]. / Наконец, в ночь под воскресенье, когда все уже спит, вдруг, слышу я, у нас на улице мушкетерами стучат, – сверху, оттуда, из тюрьмы солдаты приходят. Рабочие копают, ударяют, а солдаты хохочут и поют.

Длительная форма настоящего времени обозначает действие-звучание, которое совпадает непосредственно с моментом речи, маркируя время, конкретное или абсолютное: *It (wind) is howling like a Christian* [11, p. 238]. / Он (ветер) воет, как человек. Переходя в другой временной план, форма настоящего длительного времени при переносном употреблении выступает в контексте будущего: *Hark! How the wind is howling!*" [17, p. 599]. / Прислушайтесь, как дико завывает ветер!

Предшествование действия по отношению к грамматической точке отсчета передает форма перфектно-длительная настоящего времени: “*You have been crying, my dear*” “*Yes, father.*” “*Why?*” “*A headache*” [13, p. 410]. / Ты плакала, родная? – Да, отец. – Почему? – Страдаю от головной боли = ‘в данном высказывании наблюдаем относительную близость внеязыкового и грамматического моментов речи’.

Несовпадение текстового времени и момента речи приводит к грамматической модификации схемы.

Форма прошедшего (простого, длительного, перфектного и перфектно-длительного) времени предикатива продуктивна. Она лежит в основе 83,5% высказываний (74,9% с наименованиями людей, 8,6% с номинантами неживых источников звучания). Форма прошедшего простого маркирует предшествование обозначаемого действия моменту речи: *Some said one thing, some another, and some only groaned and hissed* [11, p. 462]. / Том (в толпе) кричал одно, тот – другое, а большинство только гикало и свистело = ‘время актуальное’; *The man hammered away at the drum, the flageolet squeaked, the shovels rattled* [15, p. 107]. / Барабанищик забил в барабан, заквакал флажолет, загрелили лопаты. Такая же форма может выражать действие, которое длилось долгое время в прошлом (до момента речи) и теперь закончено: *Then they whispered and laughed for a long time* [17, p. 550]. / Потом они еще долго шептали и хихикали. Следует отметить, что форма перфектно-прошедшего времени передает одно и то же значение, но действие-звучание продолжается некоторое время в прошлом и заканчивается в данный момент: *The storm had raged for full three hours* [Ibidem, p. 268]. / Гроза бушевала три часа подряд.

Описание ситуации звучания как звена в цепи различных последовательных ситуаций может быть выполнено формой простого прошедшего времени: *Mrs Varden wept, and laughed, and sobbed, and shivered, and hic-coughed, and choked* [11, p. 139-140]. / Миссис Варден плакала, смеялась, дрожала, икала и задыхалась. Названная форма может выражать виртуальные, воображаемые события, которые могли бы реализоваться в определенных условиях: *Then, a pause; as if those who knocked had stopped to listen* [17, p. 550]. / Потом пауза; будто те, которые стучали, больше не прислушиваются; *With that the curtains closed, and he seemed to snore immediately* [Ibidem, p. 206]. / Вслед за этим занавески сомкнулись, и ему показалось, что они тут же захрапели.

Чарльз Диккенс неоднократно использует в текстах художественной литературы языковое время, выраженное в форме перфектно-прошедшего, синхронное онтологическому времени ситуации для выражения прошедшего действия, которое уже совершилось до определённого момента в прошлом: ...*She told her how she had wept and moaned and prayed to die herself* [Ibidem, p. 166]. / Она (старуха) пустилась рассказывать, как она плакала, стонала и вымаливала себе смерть; *For the rest, she had never murmured or complained* [Ibidem, p. 615]. / За все это время она никогда не роптала и не жаловалась.

Названная форма объективирует также абстрактное (воображенное) время. Говорящий представляет действие в памяти в результате его мыслительной деятельности: *The ancient tower of a church, whose gruff old bell was always peeping slyly down at Scrooge out of a Gothic window in the wall, became invisible, and struck the hours and quarters in the clouds, with tremulous vibrations afterwards as if its teeth were chattering in its frozen head up there* [12, p. 14]. / Старинная церковная колокольня, чей древний осипший колокол постоянно иронически косился на Скруджа из стрельчатого оконца, совсем скрылась из глаз, и колокол отзванивал часы и четверти где-то в облаках, как будто зубы стучали в замороженной его голове.

Формы будущего времени в речевой реализации структурной схемы «who/what sounds» составляют 1,1% (1% с живыми существами, 0,1% с неодушевленными объектами). Будущее простое время обозначает полное соотношение действия к временному плану после момента речи: *If you dare to come here again unless you're sent for, I'll keep watch-dogs in the yard that'll growl and bite* [17, p. 486]. / А если вы посмеете еще раз ходить сюда без зова, я заведу цепных собак во дворе, которые будут рычать и кусаться; “*I declare I'll scream. Be quiet, sir, will you?*” [16, p. 190]. / Я сейчас закричу. Тише, сэр, слышите? = ‘время в обоих высказываниях конкретное’. Кроме того, несоотнесенность ситуации звучания с определенной точкой на временной оси, маркируя неконкретное время, выражается формой будущего времени. Это будущее может быть:

- вторичным, многократным: “*And so am I,*” said the schoolmaster; “*smiling to think how often we shall laugh in this same place*” [17, p. 467]. / Я тоже, – сказал учитель. – Улыбаюсь при мысли о том, что сколько раз мы с тобой будем весело смеяться в этом же месте;

- виртуальным, предположительным, нереальным, отраженным только в сознании говорящего: *I shouldn't wish to disturb you at your meals, ma'am... but there's a gentleman been looking up here for a minute or so, ma'am, and he has come across as if he was going to knock* [14, p. 106]. / Не хотелось бы мне беспокоить вас, мэм... но вот уже несколько минут какой-то господин смотрит на вас, а теперь перешел улицу и, кажется, намерен постучать.

Речевая реализация приводит к формированию модальности высказывания. Под модальностью имеется в виду грамматическая категория, определяющая характер отношения сообщения, содержащегося в высказывании, к внеязыковой действительности [2, с. 80].

В лингвистическом энциклопедическом словаре понятие модальности определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [7, с. 303].

В соответствии с вышеуказанным определением лингвисты выделяют объективную и субъективную модальности. Первый тип модальности маркирует соотношение содержания высказывания с реальным миром, характеризуя его как реальное или ирреальное. Объективная модальность является неотъемлемым атрибутом предикативности, которая модальна по своей природе [8, с. 142]. Основным показателем предикативной модальности

являются глагольные формы наклонения и времени. Второй тип модальности, который не является компонентом предикативной оси предложения, объективируя отношение говорящего к содержанию высказывания, обогащает типовую пропозицию модальными семами, наслаивающимися на предикативную модальность [5, с. 205].

Модальная модификация структурной схемы “who/what sounds” нечастотна. В материале нашей выборки она представлена грамматической (парадигматической) модификацией со значением предположения наличия ситуации звучания (0,5% только с живыми существами) в позиции относительного временного плана: *If the good Saint Dunstan had but nipped the Evil Spirit's nose with a touch of such weather as that, instead of using his familiar weapons, then indeed he would have roared to lusty purpose* [12, p. 16]. / Если бы святой Дунстан вместо раскаленных щипцов хватил сатану за нос таким морозцем, вот бы тот взвыл от столь основательного щипка!; или конструкцией со значением воображения: *He is bound as before, and in his mouth there is a gag-tied so, with a tight string, making him look almost as if he laughed* [18, p. 206]. / Руки у него, как прежде, связаны, а во рту кляп, и так у него этим кляпом рот растянуло, что кажется, будто он смеется.

Модификация не прямой грамматической модальности (0,1% только с живыми существами) в анализируемых текстах представлена императивом со значением просьбы: *Scream, if you love me, darling. Scream once, mistress* [11, p. 432]. / **Кричите** же, если любите меня, душечка!

Структурно-семантическая модификация схемы, синтаксическим способом объективирующей «пропозицию звучания», представлена модальной, фазовой, вопросительной и отрицательной модификациями. При модальной модификации (1,3% высказываний только с наименованиями людей) позиционная схема высказывания включает глагольные модификаторы со следующими значениями:

1) ‘предполагаемая возможность’ с оттенком сомнения, объективируемая глаголом *may*: *“Ay, to be sure. They may cough and jeer, and groan in Parliament* [Ibidem, p. 257]. / Да, разумеется. Они в парламенте могут кашлять, высмеивать и стонать;

2) ‘возможность’ совершить действие-звучание представлена лексическим значением глагола *could* или *can* с семой ‘обладание способностью’: *When she could laugh no longer, and was quite tired, she put her head-dress to rights* [Ibidem, p. 149] / Когда она не могла больше смеяться, и была очень устала, прическу поправила она; *“I'm glad Miss Dolly can laugh,” cried Miggs with a feeble titter* [Ibidem, p. 588]. / Очень хорошо, что мисс Долли может смеяться, – закричала Миггс с отрывистым смешком;

3) ‘необязательность’ при наличии отрицательного модификатора *need* с семой ‘нужда’: *You needn't whimper* [17, p. 50]. / Вам не надо хныкать;

4) ‘долженствование’ при включении модального глагола *should* в позиции перед неперфектным инфинитивом: *Half of the half-dozen had become members of a fantastic sect of Convulsionists, and were even then considering within themselves whether they should foam, rage, roar* [18, p. 127]. / Половина из полудюжины вступила в некую изуверскую секту трясунув, и оная троица даже и сейчас подумывала, должны ли они пениться, быть в судороге, реветь;

5) ‘нежелание’ осуществить нечто, исходящее из психического состояния субъекта. Такое значение передается отрицательным модификатором *would*: *“Yes. But they wouldn't laugh sometimes, and then father cried. Lately, they very often wouldn't laugh, and he used to come home despairing* [14, p. 52]. / Да. Но иногда они (люди, публика) не смеялись, и тогда из-за этого папа плакал. В последнее время они очень часто не смеялись, и он приходил домой убитый.

Фазовая модификация схемы имеет место в 2,2% высказываний нашей выборки (1,6% с живыми существами, 0,6% с неодушевленными предметами). Она происходит за счет включения в позиционную схему фазовых модификаторов, обогащающих элементарную пропозицию специфическим компонентом смысла. К фазовой модификации относится глагол (*begin*) с семой ‘начало’ в прошедшем времени: *The wind began to moan in hollow murmurs* [17, p. 262]. / Ветер глухо завывал вслед солцу; или лексема *begin* в настоящем времени со значением начальной фазы действия: *...The carriage begins to rattle and roll over a horribly uneven pavement* [10, p. 231]. / Экипаж начинает трещать и взрывать по ужасной ухабистой мостовой.

Отрицательная модификация анализируемой схемы (1,4% только с живыми существами) с озаглаваемым «пропозиция звучания» формирует высказывания, роль отрицательной частицы которых заключается в отрицании связи между маркерами предикативного признака и его носителя. Введение глагольной отрицательной частицы *not* в положение перед предикативом или отрицательного местоимения *never* в состав предикатива приводит к частичному изменению характера предикативного отношения, обогащая позиционную схему высказывания семой ‘отсутствие’ отрицательного эмоционального состояния человека, издающего звук: *I didn't snore, myself, when I was your age* [14, p. 163]. / Я-то сам не храпел в ваши годы; *For the rest, she had never murmured or complained* [17, p. 615]. / За все это время она никогда не роптала и не жаловалась.

Структурная схема (who/what sounds) подвергается вопросительной модификации (1,1% высказываний: 1,0% с живыми существами, 0,1% с неодушевленными предметами), осложняя пропозитивную структуру модального вопроса: *'Why dost thou sob?' said the grandfather, pressing her closer to him and glancing towards me* [Ibidem, p. 25]. / Почему ты рыдаешь? Он привлек ее к себе и перевел взгляд на меня; *'Follow me, sir. – Would you permit me to whisper in your ear, one half a second?'* [11, p. 194]. / Вы позволите мне шепнуть на ваше ухо на полсекунды? = предложение включает в себя модальную модификацию *permit* с семой ‘разрешение’.

Другие модификации не отмечены в материале нашей выборки.

Причина отсутствия или малопродуктивности в нашем материале примеров на грамматическую модификацию, представленную формой сослагательного и повелительного наклонения, а также модальной, вопросительной, отрицательной модификацией (к страдат. Причас. представленную), в том, что создание звука, как правило, процесс произвольный, объясненный внутренними законами живого существа, чаще – его физиологической природой (если это представители животного мира), как правило, не внешними причинами. Это не лакуна в синтаксической системе английского предложения в ее общепринятом понимании, а логически оправданное отсутствие указанных компонентов в парадигме предложений звучания.

Речевая реализация структурной схемы “who/what sounds” допускает включение в позиционную схему высказываний детерминирующих словоформ. Это способствует обогащению типовой пропозиции дополнительными смыслами: пространственными, временными, каузативными и др.

Темпоральные конкретизаторы (детерминанты) составляют 7,9% (6,1% с живыми существами, 1,8% с неодушевленными предметами).

В конструкции *that day* с семей ‘отдаленность’ во времени действия-звучания от момента речи, маркируемой указательным местоимением (*that*), наблюдается синхрония темпорального и актуального синтаксического времён, не соотносимых с моментом речи как точкой отсчета синтаксического времени: *‘Such a dog as that, and one of the same breed, was the only living thing except me that howled that day,’ said Hugh* [Ibidem, p. 172]. / *Вот такая же собака, такой же породы, как эта, была единственным живым существом, которое, кроме меня, в тот день выло, – сказал Хью.* Элемент структуры сложноподчиненного предложения с придаточным времени (*while* = когда), введен в состав глагольной формы, подчеркивает конкретно-процессное значение в плане прошедшего времени: *These (two tumblers and a custard-cup without a handle) held the hot stuff from the jug, however, as well as golden goblets would have done; and Bob served it out with beaming looks, while the chestnuts on the fire sputtered and cracked noisily* [12, p. 92]. / *Эти (два стакана и кружка с отбитой ручкой), впрочем, могли вмещать в себя горячую жидкость ничуть не хуже каких-нибудь золотых кубков, и когда каштаны на огне шипели и шумно трещали, лицо Боба, который наполнял их (сосуды) из кувшина, сияло = ‘наряду с основной абсолютной временной ориентацией реализуется и неосновная (дополнительная) относительная ориентация’.*

Примеры также показывают, что лексические показатели типа: *all day long, so long, till, what time* и под. обогащают пропозицию высказывания семей ‘долгота, длительность’ наряду с синхронностью их лексического значения и темпоральности: *The light streamed on it through the coloured window – a window, where the boughs of trees were ever rustling in the summer, and where the birds sang sweetly all day long* [17, p. 617]. / *Свет проникал в него (угол) сквозь разноцветные стекла окна, за которыми летними днями деревья шелестят листвой и птицы поют, не умолкая, от зари до зари; “What fun!” and he laughed so long and so loudly* [15, p. 279]... / *To-то будет потеха! Он смеялся так долго и так громко; Little Jacob applauded till his hands were sore* [17, p. 246]; / *Маленький Джейкоб отхлопал себе ладони; What time, the mail-coach lumbered, jolted, rattled, and bumped upon its tedious way* [18, p. 14]. / *Почтовая карета долго громыкала, подскакивала, дребезжала и продолжала свой унылый путь.*

Семантика маркера временной ориентации темпорального распространителя не совпадает с синтаксическим временем, если последнее представлено формой настоящего простого времени, за которой закреплен термин «настоящее историческое», указывающий на то, что глагольная форма описывает действие, которое произошло в прошлом: *Here* (в это время) *they all three laugh, and Mrs. Nixon says they are giddy girls* [16, p. 198]. / *В это время все трое они смеются, и миссис Никсон говорит, что они легкомысленные девушки.* Отсутствие указания на синхронность грамматического времени и времени темпоральной лексики отмечено в высказывании: *“They won’t laugh now, Mr. Jennings,” said Nicholas Tulrumbly* [15, p. 261]. / *«Сейчас они не будут смеяться, мистер Дженнингс», – сказал Николас Тулрумбл = глагольная форма в данном высказывании, представленная формой будущего времени, констатирует абстрактное настоящее время.*

Сочетание конструкции *how often* с семей ‘итеративность’ с глаголом в будущем простом времени маркирует значение узуального настоящего: *“And so am I,” said the schoolmaster; “smiling to think how often we shall laugh in this same place* [17, p. 467]. / *Я тоже, – сказал учитель. – Улыбаюсь при мысли о том, что сколько раз мы с тобой будем весело смеяться в этом же месте.* Кроме того, при наличии наречия частотности *sometimes*, указывающего на кратность действия, его типичность, глагольная форма актуализирует абстрактное время: *The brisk fire of questioning to which he was exposed, elicited from him that he was thinking of an animal, a live animal, rather a disagreeable animal, a savage animal, an animal that growled and grunted sometimes* [12, p. 109-110]. / *Под перекрестным огнем посыпавшихся на него вопросов удалось мало-помалу установить, что он задумал некое животное – ныне здравствующее животное, довольно противное животное, свирепое животное, животное, которое иногда ворчало и рычало.*

Глагольная форма настоящего простого времени в сочетании с темпоральным спецификатором *at the midnight hour*, считаем, обозначает в метафорическом значении событие будущего времени. Действие осуществится в будущем, но намерение, готовность, уверенность в том, что оно произойдет, проявляются в настоящем: *Or else, there is a turret-clock, which, at the midnight hour, strikes thirteen when the head of the family is going to die* [13, p. 12]. / *А то еще имеются часы на башне, которые выбивают в полночь тринадцать ударов, когда глава семьи должен умереть.* Сочетание темпоральной конструкции *through this sunny day*, включающей указательное местоимение (*this*) с семей ‘близкое указание’, с формой прошедшего простого глагола сигнализирует о частичном совпадении момента речи с онтологическим временем или о синхронном ему, но несовпадении с текстовым: *Drowsily they (wheels) whirred all through this sunny day, making the passenger more*

sleepy and more hot as he passed the humming walls of the mills [14, p. 99]. / Они (колеса) дремотно жужжали **весь этот знойный день**, нагоняя сон на прохожих и обдавая их жаром из-за гудящих стен заводов.

В позиционных схемах в качестве актуализирующих выступают и локативные словосочетания (7,4% высказываний: 4,5% с живыми существами, 2,9% с неживыми предметами). Денотативные значения таких конструкций – место действия, характеризующееся как плоская поверхность (семы ‘плоскость’ и ‘поверхность’): *It (the sea) thundered at the town, and thundered at the cliffs, and brought the coast down, madly* [18, p. 21]. / Оно (море) бросалось с шумом на город, бросалось с шумом на скалы и в бешенстве крушило все на берегу; *The crowd swarmed and roared in every street* [11, p. 489]. / Толпа кишела и орала **на каждой улице**; *His son obeyed, and the crowd approached; they were bawling and hissing round a dingy hearse and dingy mourning coach* [18, p. 186]. / Его сын повиновался, и толпа приблизилась; они (толпа) орала и свистели **вокруг** жалких погребальных **дрог** и не менее жалкой траурной **кареты**. Пространство может быть представлено соотносительными наречиями с конкретной семантикой: *Then Mr. Green, sen., and his noble companion entered one car... and the aerial travellers stood up, and the crowd outside roared with delight* [15, p. 78]. / Мистер Грин-старший со своим благородным пассажиром взошли в одну из корзинок... шары взвились, воздухоплаватели встали во весь рост, и **за пределами** корзинок толпа издала восторженный рев.

Пропозиция высказываний двухкомпонентной названной схемы обогащена смыслом ‘причина’ (0,4% только с живыми существами): *She'd cry for joy, I know she would* [11, p. 353]. / Да она бы заплакала от радости, знаю, что заплакала бы!; *Why dost thou lie so idle there, when thy little friends come creeping to the door, crying "where is Nell – sweet Nell?" – and sob, and weep, because they do not see thee* [17, p. 608]. / Что же ты так лежишь без дела? Ведь твои маленькие друзья то и дело подбегают к дверям, спрашивают: «Где Нелл? Где наша милая Нелл?» – и вздыхают, плачут, **не видя тебя**.

В материале нашей выборки зафиксировано обогащение типовой пропозиции анализируемой структурной схемы “who /what sounds” смыслом ‘цель’ (1,0% только с живыми существами), представленным придаточными предикативными единицами, указывающими цель как стимул выполняемого предикативного действия: *She then sat down on the stairs a few moments to breathe and to cry* [18, p. 456]. / Потом она села на ступеньку несколько минут **отдыхаться и поплакать**; *I hadn't victuals enough to snore* [14, p. 163]. / **На пустое брюхо не захрапешь**.

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам:

1) модификационный (временной) аппарат схемы характеризуется продуктивностью формы прошедшего времени, непродуктивностью формы настоящего и будущего времени;

2) форма настоящего простого времени предикатива маркирует, с одной стороны, настоящее историческое время, с другой – функционирует в плане будущего. Длительная форма настоящего времени объективирует ситуации, соотносимые с моментом речи, время актуальное. Такая же форма может выступать в контексте будущего времени;

3) форма прошедшего простого времени объективирует как актуальное время, предшествующее моменту речи, так и абстрактное, виртуальное, выражающее воображаемые события, которые могли бы реализоваться в определенных условиях;

4) форма будущего простого времени предикатива функционирует в значении как конкретного времени, представляя создание звука, который будет иметь место после момента речи. Абстрактное будущее время маркирует несоотнесенность ситуации звучания с определенной точкой на временной оси. Это будущее может быть: вторичным, многократным или виртуальным, предположительным, нереальным, отраженным только в сознании говорящего;

5) непродуктивны гипотетические (формы сослагательного и повелительного наклонений предикатива) модификации схемы “who/what sounds”;

6) структурно-семантическая модификация, представленная фазовой, вопросительной и отрицательной разновидностями, непродуктивна;

7) непродуктивна детерминированность рассмотренной схемы.

Список литературы

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: МГУ, 2000. 502 с.
2. Грамматика русского языка: в 2-х т. М.: АН СССР, 1954. Т. II. Ч. 1. 703 с.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.
5. Казарина В. И. К вопросу о модальном компоненте в содержательной структуре высказывания в поэзии И. А. Бунина // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2014. С. 204-215.
6. Казарина В. И. Структура высказываний со значением эмоционального состояния, возникшего в результате воздействия // Проблемы русского и общего языкознания: сборник научных трудов. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. Вып. 10. С. 30-46.
7. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303-304.
8. Попова З. Д. Общее языкознание: учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 1987. 212 с.
9. Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 67-80.

10. Dickens C. J. American Notes and Picture from Italy. L. – N. Y.: Macmillan and Co., 1893. 468 p.
11. Dickens C. J. Barnaby Rudge. L.: Macmillan and Co., Ltd., 1906. 631 p.
12. Dickens C. J. Christmas Carol. N. Y.: Putnam, 1900. 240 p.
13. Dickens C. J. Christmas Stories. L.: Chapman and HALL, Ltd., 1913. 574 p.
14. Dickens C. J. Hard Times. L.: J. M. Dent, 1920. 396 p.
15. Dickens C. J. Sketches by Boz. L.: Chapman and Hall, 193, Piccadilly, 1854. 330 p.
16. Dickens C. J. Sketches of Young Couples, Young Ladies, Young Gentleman. L. – N. Y.: Cassell, Petter, and Galpin, 1869. 286 p.
17. Dickens C. J. The Old Curiosity Shop. Philadelphia: T. B. Peterson, 1850. 618 p.
18. Dickens C. J. The Works of Charles Dickens in Thirty-Four Volumes. L.: Grant Richards 48 Leicester Square, 1903. Vol. II. A Tale of Two Cities. 485 p.

SPEECH REALIZATION OF THE SCHEME “WHO/WHAT SOUNDS” IN CHARLES DICKENS’S WORKS

Al-Hasnawi Ali Radhi Mashjel, Ph. D. in Philology
Thi Qar University, Iraq
Ali88_a2000@mail.ru

The paper describes grammatical and structural-semantic modifications of the structural scheme of the simple sentence “who/what sounds” in the process of speech realization by the material of English fiction and according to the principle of identifying lexical and syntactic correspondences to Russian structural schemes. The author reveals the ability of the proposition of sound situation to be enriched with additional meanings, which mark the surrounding circumstances.

Key words and phrases: modification; modality; grammatical form; current time; moment of speech; temporality; specifier.

УДК 81’374

Статья посвящена изучению особенностей структурного содержания концепта «мужчина» в чеченской лингвокультуре на материале словарей. Анализируемый в работе концепт предполагает исследование в рамках категории гендера. Концепт «мужчина», функционирующий в языковом пространстве чеченского народа, является отражением сложившихся представлений о мужской гендерной роли: успех, активность, независимость, необходимость отличаться от женщины. Гендерно маркированные лексемы подтверждают доминантную роль мужчины.

Ключевые слова и фразы: андроцентризм; гендер; концепт; лингвокультура; маскулинность; языковая картина мира.

Бахаева Лейла Мухарбековна, к. филол. н.
Чеченский государственный педагогический университет
blm.99@mail.ru

КОНЦЕПТ «МУЖЧИНА» В ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ)

В отечественной лингвистике впервые к термину «концепт» обратился С. А. Аскольдов (псевдоним С. А. Алексеева): «Мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269].

Д. С. Лихачев отмечает, что концепт существует отдельно для каждого основного (словарного) значения слова и является «своего рода “алгебраическим” выражением значения (“алгебраическим выражением” или “алгебраическим обозначением”), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)» [5, с. 4].

В большинстве обществ мужчины воспринимаются по их общественному положению, роду занятий, статусу. Данное явление способствует появлению *андроцентризма* (*андро* восходит к греческому слову *andros* – мужчина) – восприятия мира через призму мужского сознания.

Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой фиксирует: слово *андроним* – «личное имя (фамилия) женщины, произведенное от имени (фамилии) мужа» [2, с. 47].

«Андроцентризм можно рассматривать как специфическую конфигурацию властных отношений, которая не является ни неизбежной, ни универсальной...» [8, с. 1].

Термин «андроцентризм» вошел в практику лингвистических исследований сравнительно недавно и активно используется теоретиками гендерного подхода.

Гендер – термин для обозначения социального пола; совокупность социальных и культурных норм, которые общество приписывает людям в зависимости от их биологического пола [3, с. 3]. Существующее